

А. К. Шевцова

Могилев, МГУ им. А. А. Кулешова

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ КОММУНИКАНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена описанию доминантных черт коллективного речевого портрета современного политического лидера. Универсальными характеристиками являются твердость и убедительность, яркое личностное начало, четкость и доступность в высказывании своего мнения, речевая грамотность и стремление к солидаризации с аудиторией. Особенностью речевого поведения русскоязычных коммуникантов является некоторая завуалированность в высказывании категоричного мнения, а также предупреждение о возможной реакции на последующие слова или действия. Специфическим для речевого поведения американских политических лидеров является выраженный акцент на собственные достижения, положительную динамику как результат их стараний, а также тактика обещания.

Изучение политического дискурса имеет междисциплинарный характер, поскольку предполагает исследования в области политологии, социальной психологии и лингвистики. При этом исследователю необходимо принимать во внимание формы, задачи и содержание дискурса, функционирующего в определенных политических ситуациях.

Описание политического дискурса невозможно в отрыве от анализа его участников. В этой связи важным понятием представляется «речевой портрет», формирующий образ коммуникантов. По мнению С. В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [1], а проблема исследования речевого портрета является частным направлением изучения языковой личности. Т. П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [2]. Под речевым портретом Г. Г. Матвеева понимает «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [3]. Исследователем отмечается, что с помощью речевого портрета фиксируется речевое поведение, которое «автоматизируется в случае типичной повторяющейся ситуации общения» [Там же]. Также, согласно Г. Г. Матвеевой, речевой портрет бывает индивидуальным и коллективным. Центральным понятием в описании индивидуального речевого портрета является индивидуальный стиль, отражающий особенности конкретной языковой личности. Коллективный речевой портрет позволяет обобщить явления, присущие определенному кругу людей, объединенных в национальном, возрастном, социальном, профессиональном плане.

В современной лингвистической науке существуют различные подходы к описанию речевого портрета. При этом наиболее значимым представляется фиксация ярких элементов речевого поведения, а описание всех уровней языка не является обязательным. В структуре описания речевого портрета, предложенной Ю. Н. Карауловым, присутствует «трехуровневая модель языковой личности»: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) прагматический уровень [4].

Нами предпринимается попытка конструирования коллективного речевого портрета коммуниканта в политическом дискурсе, основываясь на особенностях речевого поведения как русскоязычных, так и англоязычных политических деятелей, а также сопоставления речевых портретов представителей двух различных наций. На данном этапе исследования нами были отобраны 20 публичных выступлений В. В. Путина и Д. А. Медведева, а также 20 выступлений Дж. Буша и Б. Обамы. Целью настоящего этапа является выявление стилистических особенностей речевого поведения, а также коммуникативных стратегий и тактик, способствующих реализации речевого портрета современного политического деятеля.

В ходе анализа выступлений русскоязычных коммуникантов было замечено, что магистральная для политического дискурса стратегия **воздействия** реализуется в основном посредством приведения многочисленных примеров, разъяснений (*Хорошим примером того, насколько серьезно влияют эти регулятивные меры, является рынок акций «Газпрома»*); призывов к аудитории (*Сделайте важное и правильное дело – приходите на выборы депутатов Государственной Думы, решите, кто будет представлять вас в высшем органе законодательной власти России*); повторов и перечислений (*И людей в этих конфликтах гибнет не меньше, а даже больше, чем*

раньше – значительно больше, значительно больше!); цитирования (тактики интертекстуальности) (Так вот, вспомним эти слова: «Умереть ж под Москвой, как наши братья умирали! И умереть мы обещали, и клятву верности сдержали»).

Воздействие на эмоциональную сферу осуществляется путем использования ярких метафор (социальная кома, болезни, приехавшие из-за границы, растащить Россию), а также идиом и фразеологических оборотов (у кого «зубы острее»; и в помине нет). Анализ единиц синтаксического уровня показал, что русскоязычные коммуниканты часто используют инверсивные конструкции и повторы, которые выполняют две функции: 1) усиления выразительности речи и 2) прояснения логической структуры изложения. При этом данные приемы служат как для смыслового, так и для эмоционального подчеркивания ключевых моментов выступления, например: <...> и, конечно, благодаря огромному интеллектуальному и творческому потенциалу наших людей, людей талантливых, квалифицированных, искренне желающих принести пользу своему народу <...>.

В русскоязычных выступлениях достаточно частотными представляются тактики солидаризации с аудиторией (Кто нас обидит, тот трех дней не проживет), признания существующей проблемы (Да, это проблема системы правосудия <...>; <...> это действительно государственная проблема <...>), иронизирования (Еще жестче буду разговаривать – просто душить буду, добиваться от него, вытаскивать деньги), самозащиты (Четыре года – не такой большой срок; Я никогда не говорил, что армия приоритетнее образования), диалогизации – использование местоимений второго лица множественного числа, позволяющее вовлечь адресата в обсуждение политических, социальных вопросов, сделать его своим сторонником, например: <...> вот все это вместе должно самым непосредственным прямым положительным образом отразиться на селе. Надеюсь, в том числе и на вашей области <...>.

В выступлениях англоязычных коммуникантов также были зафиксированы тактики интертекстуальности (<...> it was a Republican President, Teddy Roosevelt, who first tried to tackle the issue of corporate influence on our elections. He actually called it «one of the principal sources of corruption in our political affairs»), солидаризации с аудиторией и диалогизации (You have enriched my life, you have moved me again and again. You have inspired me. Sometimes when I have been down you have lifted me up. You filled me with new hope for our future and you have reminded me about what makes America so special). Американские политические деятели также, как и русские, активно апеллируют к эмоциональной сфере адресата, употребляя метафорические конструкции (all they see is the same partisan three-ring circus here in Washington; be a drag on our economy; if the burden is fairly shared), риторический вопрос (How can we ask a student to pay more for college before we ask hedge fund managers to stop paying taxes at a lower rate than their secretaries?), идиомы (to get back on their feet; to keep an eye on smth), сравнительные конструкции (America has stood down enemies before, and we will do so this time).

Специфической для русскоязычных коммуникантов является тактика намека, которая была продемонстрирована в 75 % публичных выступлений. Например: *Мы не допустим, чтобы кто-нибудь вмешивался в наши внутренние дела, не допустим, чтобы кто-нибудь навязывал нам свою волю; Кстати говоря, Россию, нас, постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не очень хотят.*

Кроме того, в речи русскоязычных политических лидеров широкое распространение получила тактика предуведомления, сущность которой заключается в комментировании последующих действий, предупреждении о возможной реакции. Например: *Формат конференции позволяет сказать то, что я действительно думаю о проблемах международной безопасности. И если мои рассуждения покажутся нашим коллегам излишне полемически заостренными либо неточными, я прошу на меня не сердиться – это ведь только конференция.*

Анализ речей американских политических лидеров показал, что широкое распространение получила тактика акцентирования положительной информации, которая служит для подчеркивания достижений коммуникантов в качестве президента страны. Например: *Over the last 30 months, we've seen 5 million jobs in the private sector created. The auto industry has come roaring back and housing has begun to rise.* Семантически близкой данной тактике представляется тактика демонстрации успеха в рамках стратегии самопрезентации. Например: *Four years ago, I promised to end the war in Iraq. We did. I promised to refocus on the terrorist who actually attacked us on 9/11. We have done <...>.*

Еще одна тактика, широко используемая англоговорящими коммуникантами для реализации стратегии убеждения – это тактика обещания. Данная тактика вербализуется с помощью глаголов со значением *достигать успеха* (*to achieve*), *избавлять* (*to rid*), *укреплять* (*to strengthen*), *реформировать* (*to reform*). Например: *The next four years I will continue to strengthen our homeland defenses. I will reform our military <...>.*

Таким образом, проведенное исследование показало, что доминантными чертами универсального коллективного речевого портрета современного политического лидера являются твердость и убедительность, яркое личностное начало, четкость и доступность в высказывании своего мнения, речевая грамотность и стремление к солидаризации с аудиторией. Особенностью речевого поведения русскоязычных коммуникантов является некоторая завуалированность в высказывании категоричного мнения, а также предупреждение о возможной реакции на последующие слова или действия. По сравнению с речевым портретом русскоязычных коммуникантов американские политические лидеры делают больший акцент на собственные достижения, положительную динамику как результат их стараний, а также с готовностью дают новые обещания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леорда, С. В. Речевой портрет современного студента / С. В. Леорда // Вестн. Саратов. госагроуниверситета им. Н. И. Вавилова. – 2006. – № 6. – С. 59–60.

2. *Тарасенко, Т. П.* Языковая личность старшеклассников в аспекте ее речевой реализации (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. П. Тарасенко; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2007 – 26 с.
3. *Матвеева, Г. Г.* Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : автореф. дис. ...канд. филол. наук 10.02.19 / Г. Г. Матвеева ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1993. – 32 с.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность: учеб. пособие Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 2004. — 264 с.

The article describes some features of the collective dominant verbal portrait of a modern political leader. Specific features of Russian communicants' verbal behavior are some ambiguity in verbalization of categorical opinions and a warning about the possible reaction of the following words or actions. Specific features of American political leaders' verbal behavior are a greater emphasis on personal achievement, a positive trend as a result of their own efforts and the tactics of promises.